

Божена Хрынкевич-Адамских
Университет имени Адама Мицкевича
в Познани
bhrynk@amu.edu.pl

Data przesłania tekstu do redakcji: 29.08.2016
Data przyjęcia tekstu do druku: 31.05.2017

Духовная грамота как элемент подготовки к смерти (на материале документов XVI века из архива Соловецкого монастыря)*

ABSTRACT: Hrynkiewicz-Adamskich Bożena, *Duchownaja gramota kak element podgotovki k smerti (na materiale dokumentov XVI veka iz archiva Soloveckogo monastyrja)* (Last Will as an Act of Preparation for Death [Based on Documents from Registers of the Solovetskiy Monastery of the 16th Century]). "Poznańskie Studia Slawistyczne" 14. Poznań 2018. Publishing House of the Poznań Society for the Advancement of the Arts and Sciences, pp. 79–90. ISSN 2084-3011.

Expressing wishes as to how a person's property was to be distributed at death was permitted by Old-Russian common law. At first, oral disposals had been practiced, whereas written wills became widespread only in the 14th century. Disposals of an estate were principally made by liege lords and church authorities, hardly ever by peasants. This article presents a study of 8 unique peasants' wills from registers of the Solovetskiy Monastery of the 16th century. A pope was obligatorily in attendance when such documents were prepared. All analyzed wills referred to Christian ethics and values. The dispositions of personal property alternated with requests to pray for the testator's salvation. It seems that the main purpose of the examined last wills was not to transfer of real estates and personal property to successors but to contain a testator's understanding of dying and death, and to form a proper attitude towards them. Preparation of someone's last will and getting rid of material goods constituted an act of contrition that closed the testator's worldly existence and conditioned his eternal life after death.

KEYWORDS: Old-Russian common law; a last will; registers of the Solovetskiy Monastery of the 16th century; the Christian attitude towards death

Древнерусское обычное право признавало законным распоряжение лица в виде завешания. По всей вероятности, первоначально практиковались устные **ряды**, т. е. устные волеизъявления лиц относительно преемства остающегося после них наследства. В первом

* Автор выражает глубокую признательность Рецензентам настоящей статьи за ценные комментарии и библиографические указания.

сборнике правовых норм Киевской Руси начала XI века существенное место отведено установлению порядка наследования, см. статьи 90–95, 98–106, 108 *Русской Правды* (2014, 29–31). Наследство именуется в нем **задницей**. Из названного документа вытекает, что традиционно на Руси главными преемниками имущества, прав и обязанностей умершего лица являлись его сыновья. В раннем Средневековье женщины низших сословий отстранялись от наследства. Только бояре и дружинники могли оставлять наследство дочерям. В *Русской Правде* подробно рассматривается положение вдов и их право на часть наследства после смерти мужа, институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми и принадлежавшим им имуществом после смерти отца, ответственность отчима за имущество пасынков, принципы деления наследства между сыновьями, если оно не было разделено отцом, обязанность братьев выдать в данном случае сестру-девушку замуж и дать ей приданое и др. Интересно заметить, что в упомянутом кодексе содержатся также пережитки так называемого права мертвой руки, согласно которому феодал мог изъять после смерти смерда часть его имущества. Речь идет о выморочном наследстве, когда крестьянин умирал, не оставив сыновей.

По наблюдениям Василия Федоровича Андреева (1986, 109–110), в XII–XIII вв. завещания в письменном виде составлялись очень редко, обычно в ситуации отсутствия прямых наследников у завещателя, и только в XIV в. написание пергаментных и берестяных актов последней воли стало довольно обычным явлением. Письменные распоряжения об имуществе на случай смерти в Новгородской земле периода самостоятельности назывались рукописаниями. Древнейшим дошедшим до нас завещанием признается Климентово рукописание, датируемое временем не позднее 1270 г. (Валк, 1949, 162–163, Андреев, 1986, 99). На территории Московского княжества на обозначение такого типа актов употреблялся термин духовная (грамота), реже (духовная) память. После подчинения Новгорода Москве в 1479 г. московская актовая терминология вытеснила местную. Так, с конца XV столетия на всей территории объединенного Российского государства завещания стали называть духовными. Более широкое распространение духовные грамоты получили в XVI–XVII столетиях.

Вопросы наследственного права в очередной раз были затронуты и пересмотрены в общерусских сборниках законов – судебниках 1497, 1550 и 1589 гг. Как было уже сказано, на русских землях при наследовании явный приоритет имели сыновья. Лишь при их отсутствии у умершего лица к наследству призывались дочери, см. статью 92 *Судебника 1550 года*: „А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земля взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду” (Черепнин, 1956, 259). В *Судебнике 1589 года* вводятся определенные уточнения по поводу порядка преемственности, в частности, расширяется круг наследников. Так, в статье 190 устанавливается, что наследство переходит кому-либо „от ближнему роду от оцева или от материна” (Черепнин, 1956, 438). Это обозначает, что с тех пор за отсутствием рода отца мог наследовать род матери. Кроме того, в *Судебнике 1589 года* появляются новые статьи, в том числе статья 191, устанавливающая процедуру составления завещаний. Из нее следует, что в данном действии должен принимать участие поп, см.: „А хто при смерти напишет духовную, и попу у духовные сeditи” (Черепнин, 1956, 438). Духовная должна храниться у попа до того момента, пока ему не будет дано то, что завещатель выделил на сорокоуст, т.е. ежедневное поминовение умершего на Литургии в церкви в течение сорока дней после смерти. Получив причитающуюся ему сумму, поп был обязан передать духовную душеприказчику. Если больной выздоравливал, то грамота через шесть недель уничтожалась, см.: „И будет боль умрет, и попу взяти сорокоуст и духовная отдати, кому приписано. А будет боль оживет, и попу духовная драги, как минет шесть недель.” (Черепнин, 1956, 438). По всей вероятности, предписание о составлении завещания в присутствии священника было обусловлено тем, что данное действие входило в комплекс подготовительных мер по переходу в иной мир предчувствующего свою скорую смерть лица, рекомендуемых Православной церковью. Участие духовника объясняется также тем, что он принимал исповедь и причащал человека, находящегося в предсмертном состоянии¹. Текст духовной должен быть

¹ Об этом позволяет судить существование в древней Руси чинопоследований исповеди и причащения больных в разных редакциях. Подробно данная проблематика разработана в труде: Алмазов, 1894, 25–102.

записан со слов умирающего – „что боль говорит, то и писати” (Черепнин, 1956, 438).

Духовные грамоты составлялись на Руси в основном феодалами и священниками², реже представителями зависимого населения. В 1950 г. вышло в свет обширное издание духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Бахрушин, 1950). Завещания представителей других слоев разбросаны по различным публикациям³.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются уникальные крестьянские духовные грамоты XVI столетия из архива Соловецкого монастыря. Наличие в нем завещательных распоряжений данной социальной группы обусловлено тем, что Соловецкий монастырь был основан во второй половине XV века в районе черносошного крестьянского землевладения, т. е. государственных земель, находившихся в общинном владении и обычно распределявшихся крестьянами в индивидуальное пользование. Формально черносошный крестьянин зависел непосредственно от государя и имел право свободно распоряжаться своими земельными участками и другим имуществом. Среди монастырской документации сохранились многие крестьянские частные акты. В подготовленной Ириной Зусевой Либерзон (1988, 1990) двухтомной публикации 885 соловецких документов конца XV–XVI века духовные представлены 8 примерами. Семь из них принадлежат мужчинам, одна – женщине⁴. Изучаемые документы датируются 1561–1582 гг. Несмотря на то, что анализируемые завещания хронологически опережают *Судебник 1589 года*, в них соблюдаются основные нормы и правила составления духовных, рекомендуемые в названном документе. Это обозначает, что судебники второй половины XVI столетия в основном кодифицировали

²Интересно по поводу особого жанра завещаний-типиконов, составляемых игуменами русских монастырей, высказался Ф. Лиленфельд (1962, 85–87). Как правило, в такого типа духовных игумен не только передавал преемникам монастырское имущество и свои личные вещи, но также убеждал монахов и игумена-наследника соблюдать и по его смерти порядок, установленный основателем монастыря.

³Согласно В.Ф. Андрееву (1986, 100), в момент выхода в свет его труда были известны всего 33 новгородские духовные грамоты времен существования Новгородской республики.

⁴Подробно о правовом положении женщин в X–XV вв., в частности о их правах на владение и распоряжение имуществом, см. Пушкарева, 1989, 104–139.

ранее сложившиеся на русских землях и сохранившие актуальность нормы неписанного обычного права.

Своеобразие духовных грамот как таковых связано с тем, что в момент их составления завещатель находился в переходном состоянии – между жизнью и смертью. Переход между двумя противоположными пространствами, земным и загробным мирами, являлся заодно и переходом в новое измерение времени. Все анализируемые духовные грамоты опираются на христианское учение. В отличие от остальных документов из архива Соловецкого монастыря, имеющих светский характер, духовные начинаются словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа”. По замечанию архиепископа Станислава Гондецкого (Gądecki, 2004), когда христианин произносит эту фразу, Бог освящает время и пространство, открывающиеся перед ним. Таким образом, призывая Отца, который был в Начале, Сына, который есть „Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний” (*Откровение Иоанна Богослова* 22: 13), и Святого Духа, человек покидает линейное историческое время и включает события своей жизни в Божественный порядок. Следовательно, духовные грамоты представляют собой тексты, в которых отражены два уровня перцепции времени человеком. Историческое восприятие времени завещателями переплетается в них с восприятием космическим. Согласно Борису Андреевичу Успенскому (Uspienski, 1998, 46), переход на космический уровень естественным образом изменяет причинно-следственные связи в символические отношения.

Духовные составлены по определенному формуляру. Как было уже сказано, все они начинаются так называемым богословием, т.е. формулой посвящения Богу. Затем в них упоминаются христианское имя и отчество, иногда и прозвище завещателя, дата составления документа, а также излагаются обстоятельства, предшествовавшие написанию духовной. По всей вероятности, в большинстве случаев духовные составлялись в ситуациях приближения смерти, непосредственно перед уходом завещателя из этого мира („пишу сию память, отходя сего света” – А 435). Некоторые лица продвинуты в годах или тяжело больны („пишу сию приказную память при своем животе, лежа немощен” – А 774, „пишу сию духовную, лежащи в болезни” – А 808), другие опасаются за здоровье по поводу эпидемии („а розписался есми сию память наборзе потому, блюдяся грозного внезапу

поветриа, занеже еси накрепко приболел сердечною болезнью” – А 435). Все завещатели убеждают в том, что находятся в хорошем психическом состоянии („своим целым умом и разумом” – А 253). В удостоверительной части, как правило, завершающей текст духовных, содержится информация о лице, писавшем документ, а также называются свидетели.

Разумеется, в числе основных причин составления духовных следует назвать расчеты завещателей с кредиторами и должниками („кому ми что отдати или на ком что взяти” – А 506, „кому мне что дати и у кого что мне взяти” – А 543). Кроме того, завещателями производился окончательный раздел имущества, унаследованного от предков и накопленного в течение жизни. Диспозитивные клаузулы анализируемых духовных грамот содержат перечисление завещаемого имущества. В связи с этим исследуемые акты представляют собой важный источник информации о вещественной культуре России XVI столетия. Материал духовных показывает, что в изучаемый период завещались: земельные участки (пахотные земли, луга, пожни, тереба), морские и рыболовные угодья, жилые дома и их части (горницы), хозяйственные постройки (клетки, хлевы), усолья, сооружения на соляном производстве (варницы) и инструменты соляного дела (црены), суда (соймы, карбасы), сани, скот (лошади, коровы, свиньи), элементы конской упряжи (хомуты), предметы домашнего обихода (щаны, кади, бочки, котлы, тазы, печные заслоны), рыболовные снасти (сети, якоря), пищевые продукты (зерно, зерновая мука, соль, солод), отделанные кожи и меха, украшения (серьги, цепочки, серебряная кузнь, серебряные булавки, пуговицы), постельные принадлежности (перины, подушки, одеяла), предметы религиозного культа (иконы, кресты), а даже бывшая в употреблении одежда (шубы, кафтаны, однорядки, ноговицы, штаны, сермяги, платья, рубашки, сарафаны), головные уборы (шапки, убрusy) и обувь (сапоги). Из проанализированных документов вытекает, что в XVI веке в России самую большую ценность представляла земля.

Некоторые наследодатели беспокоились о судьбах своих несовершеннолетних детей. Стоит заметить, что в изучаемый период монастырями еще не велись бесплатные приюты. Дети-сироты принимались в монастыри, но не содержались за счет монастырской казны. В связи с этим завещатели решались передать Соловецкому

монастырю свое имущество взамен за уход за сыновьями, когда их самих не будет в живых, см. духовную калачника Ивана Клементьева сына: „яз приказываю после своего живота (...) на Соловки двор свой, в чем есми сам жил, и со всеми хоромы, и з дворовым местом, да и с полем, да и клеть, что у двора, да два лука угодя в Кеме реке со всеми угодьями, и с морскими пожнями на море и в реке, да малого Андриюшку бога ради бы кормили за тою же дачею, и поили, и одевали” (А 608), или духовную варзужанина Дионисия Захарьева сына: „яз после своего живота приказываю в Соловецкой монастырь сынишка своего Патрекейка; а статков животов своих с сыном своим приказываю в Соловецкой же монастырь – двор свой да пять луков згодья своего в Варзуской волости за себя да за сына своего Петрекейка другую пять луков” (А 808).

В диспозитивных клаузулах содержатся также упоминания об исполнителях завещания. Душеприказчики, как правило, назначались из числа близких родственников, см.: „а дати и взяти и по душе поправить по сей памяти отказной приказываю брату своему родному Василью Онкудинову же сыну” (А 435); „а после своего живота приказываю кому что дати, и на ком что взяти, и по своей душе роздати, и в Сорокоуст, и память творити зятю своему Василью Федорову сыну да дочери своей Ненилы” (А 774).

Обращает на себя внимание тот факт, что две духовные грамоты из архива Соловецкого монастыря содержат санкцию-заклятье, т.е. специальную формулу против возможных нарушений воли завещателя, см. духовную Анцифора Анкудинова сына Некраса: „А которой мой брат родной Некрасов по смерти моей Некрасове жену мою Ховронью в моем отказном животе учнут клепати и жену мою продавати, и я сужуся с ними перед страшным судьєю, перед Спасом на страшном суде, а братьи моей и роду моему всему себе в дом взяти все прах, и хто что на жены моей возмут” (А 435), или духовную Арсения Проскурника: „А дочери свои я, старец Арсений, Ненилу, да Овдотью, да Огрофену поверстал при своем животе, чем меня бог наделил, и при своем животе их благословляю: после моего живота зятю на зятю и дочери на дочери моих статков не пытати; а которой начнет после моего живота зять или дочи моих статков пытати, и в том им бог правитель” (А 774).

Несомненно, духовные грамоты составлялись для того, чтобы оставить после своего житья относительно упорядоченные обстоятельства, заблаговременно разделить имущество между близкими и дальними родственниками, исключить некоторых лиц из числа преемников. Не стоит однако упускать из виду, что завещатель, находившийся в нестабильном лиминальном состоянии между жизнью и смертью, пытался также устроить свой переход на тот свет.

В связи с этим в духовных затрагиваются эсхатологические вопросы. Как кажется, главным образом из-за страха смерти и суда Господня, завещателями производятся легаты в пользу церковных учреждений. Материал изученных актов показывает, что Соловецкому монастырю передавалась в основном недвижимость – земельные участки и дома, см. духовную Анцифора Анкудинова сына Некраса: „к Спасу на Соловки и великом чюдотворцом Зосимы и Саватию игумену Варламу, или по нем иный игумен будет, и всей еже о Христе братии треть обжи земли в Хачелы (...) и з двором, и з дворным местом (...), где сам живу; да в Пиалском усольи, в расоле шестую ночь у меня у водного” (А 435), но также рыболовные снасти, пищевые продукты, элементы одежды, см. духовную Меньшого Андреева сына: „я приказываю после своего живота в монастырь в Соловецкий Спасу и Пречистыя пол-лука своего угодыя со всеми угодыи в Чупской губе, да якорь болшей лодейной, да четыре бочки ржи, да десять пузов жита, да кафтан черчат суконой, да шапку бурнасту под сукном под черчатым” (А 506).

Беспокойство завещателей, связанное с уходом из „сего мира”, является также причиной легатов, взамен которых выдвигаются просьбы занести имя усопшего в специальные книги для вечного поминовения во время богослужений. Преставившемуся не были нужны никакие материальные предметы, всего лишь молитва сродников и всей Церкви об упокоении его души. В связи с тем, что некоторые поминальные моления, например панихида, могут совершаться только священниками, в монастырях и храмах организовались богослужения с поминовением всех, о ком они были заказаны⁵.

⁵ О формах заботы древнерусского человека о загробной участи души и роли духовника в исполнении распоряжений умерших о поминовении см. Смирнов, 1913, 74–82.

Так, старец Арсений Проскурник передал свою недвижимость Соловецкому монастырю, а коня в Муромский монастырь на берегу Онежского озера с просьбой упомянуть его имя в синодиках: „в Соловецкой монастырь приказал есми дати по душе своей келью, свое поставленье, со всеми хоромы (...); и за то игумену пожаловати, велети имя мое написати в сенаник в вечное поминание, как ему бог известит, да в Муромской монастырь дати мерин бур, а за то пожаловати игумену, велети имя мое написати в сенаник в вечное поминание, как ему бог известит” (А 774).

В свою очередь, Авдотья Иванова дочь Голуба, завещающая Соловецкому монастырю обширные земельные владения, формулировала пожелание не только занести ее имя в синодик, но также дополнительно произносить литию об упокоении ее души: „в Пертенемы в деревни в Ермошинской пол-обжи без осмины орамых земель и пожен по купчим, да селезневская полянка на лугу в Пертенемы же, да пожни на Шермокши, итого осмина, да на Рахнове четверть обжи (...), да в Пертенемы двор со всеми хоромы в Ермошинской деревни (...); и тот двор и деревни в Соловки к Спасу и чудотворцом по своей души, а поминати им меня в литии и в сенаник написати” (А 645).

Как известно, суббота установлена Церковью днем молитвенного поминовения усопших. Субботы, в которые совершается всеобщее общецерковное поминовение умерших православных верных, называются родительскими (или вселенскими панихидами). Взамен за частное поминовение преставившихся отца, брата и жены и занесение их имен в субботник, т. е. поминальную книгу, читаемую в монастырях по субботам, Сидор Иванов сын завещает Соловецкому монастырю земельный участок и две штуки рогатого скота: „яз приказываю после своего живота в Керетцкие волости к Николе чудотворцу да к Егорию Стратотерьпцю четверть лука (...). Да чтоб пожаловали святыи игумен Варлам и святая братья приупокоили брата моего Василья и семью мою Елену за тем же вкладом за старым и за новым: да пожаловали бы написали в суботники Ивана за тем же вкладом: да корову есми, да нетель приказываю в Соловецкий же монастырь” (А 543).

Как видно, в проанализированных актах сугубо практические пожелания переплетаются с просьбами к преемникам молиться за упокоение души составителя после его кончины. Изученные духовные отражают

мировоззрение и менталитет представителей низших слоев русского общества XVI столетия. Бесспорно, их в значительной степени формировали религиозные факторы. Завещатели знали, что физический уход из жизни неминуем. Духовные представляют собой свидетельство сильного страха смерти людей в изучаемый период, обусловленного высокой смертностью в основном из-за эпидемий, голода. Одновременно уходящие из этого мира надеялись, что смерть задумана Создателем во благо. Материал исследованных грамот показывает, что легаты в пользу Соловецкого монастыря производились завещателями главным образом ради спасения собственной души. Регулирование имущественных отношений преемников также косвенно служило достижению названной цели. В христианстве существование человека не прекращается после его смерти⁶. В момент смерти его душа не уничтожается, всего лишь разлучается с телом, жизнь не отнимается, но преобразуется. В смерти начинается вечное существование человека⁷. По-видимому, духовные выполняли некоторую роль в формировании правильного понимания и правильного отношения наследодателя к смерти. Составление завещания можно рассматривать как результат смирения душой. Данное действие требовало подведения жизненных итогов, критической оценки своих поступков, примирения с родственниками и произведения расчетов с соседями, но прежде всего смирения перед Богом⁸. Блаженный Ие-

⁶ Христианские представления о смерти и посмертном существовании души описываются в статье: Булгаков, 1955.

⁷ Согласно Ладислаусу Боросу, в момент смерти решается судьба человека. На пороге нового мира совершается окончательный выбор – либо раскаяние и прощение, либо ожесточение и проклятие: „w śmierci otwiera się możliwość pierwszego w pełni osobowego aktu człowieka; tym samym jest ona bytowo uprzywilejowanym miejscem świadomego stawania się, wolności, spotkania z Bogiem i podjęcia decyzji o swoim wiecznym losie” (Boros, 1977, 9), „pierwszy całościowy akt poznania stanie się możliwy dopiero w momencie śmierci, gdy duch uwolni się od materialnej zasady” (Boros, 1977, 48), „śmierć jest rzeczywiście *dies natalis*, dniem narodzin naszego ducha” (Boros, 1977, 49). Стоит, однако, отметить, что на критику гипотезы Бороса не поспешили многие теологии.

⁸ По словам преподобного Исаака Сирина (2006, 113), „смирennemудрие есть одеяние Божества. В него облечлось вочеловечившееся Слово и через него приобщилось нам в теле нашем. И всякий, облеченный в оное, истинно уподобился Нисшедшему с высоты своей, сокрывшему добродетель величия Своего и славу Свою смирennemудрием, чтобы тварь не была попалена видением сего. (...) Поэтому всякий, кто облечся в то одеяние, в котором видим был Сам Творец, облечшись в тело наше, тот облечся в Самого Христа”.

роним Стридонский утверждает, что смирение – основная добродетель христианства: „Prima virtus Christianorum humilitas” (цит. по Trauner, 1690, 925–926). В соответствии со святоотеческим учением, оно является основанием всех прочих добродетелей⁹. Без смирения другие добродетели не имеют никакого значения. Путь человека к Богу будет тогда безуспешным и спасение станет невозможным. Как кажется, духовные являлись актами примирения со смертью, осознания бренности бытия и окончательного прощания с материальными благами и телесным существованием, связывающим человека с миром вещей.

Список сокращений

- А 253 – *Духовная Якова Деменьева сына Звяги* (29.09.1561) (Либерзон, 1988, 166–167)
- А 435 – *Духовная („память”) хачельца Анцифора Анкудинова сына Некраса* (18.03.1572) (Либерзон 1990: 7–8)
- А 506 – *Духовная Меньшого Андреева сына* (03.10.1573) (Либерзон, 1990, 39)
- А 543 – *Духовная керетчанина Сидора Иванова сына* (04.09.1574) (Либерзон, 1990, 55–56)
- А 608 – *Духовная кемлянина Ивана Климентьева сына, калачника* (29.08.1576) (Либерзон, 1990, 87–88)
- А 645 – *Духовная пертенемки Авдотьи Ивановой дочери Голубы* (30.12.1577) (Либерзон, 1990, 101–102)
- А 774 – *Духовная („приказная память”) старца Никольского погоста Андомской волости Арсения Проскурника* (28.07.1581) (Либерзон, 1990, 165)
- А 808 – *Духовная варзужанина Дионисия Захарьева сына* (15.08.1582) (Либерзон, 1990, 181–182)

Литература

- Алмазов, А.И. (1894). *Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви*, т. 2: *Специальные уставы, отдельные молитвословия и церковно-гражданские постановления, относящиеся к исповеди*. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа.
- Андреев, В.Ф. (1986). *Новгородский частный акт XII–XV вв.* Москва: Наука.
- Бахрушин, С.В. (отв. ред.) (1950). *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

⁹ Подробно о понимании смирения и смиренномудрия Святыми Отцами Восточной и Западной церковью см. Бронзов, 1900а, 1900б.

- Бронзов, А.А., (1900а). *Христианская добродетель смирение*. „Христианское чтение”, № 2, с. 161–182.
- Бронзов, А.А. (1900б). *Христианская добродетель смирение*. „Христианское чтение”, № 3, с. 337–361.
- Булгаков, С. (1955). *Жизнь за гробом*. Париж: ИМКА-Пресс.
- Валк, С.Н. (отв. ред.) (1949). *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Либерзон, И.З. (сост.) (1988). *Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI века. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.* Ленинград: Наука.
- Либерзон, И.З. (сост.) (1990). *Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI века. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг.* Ленинград: Наука.
- Лиlienфельд, Ф. (1962). *О литературном жанре некоторых произведений Нила Сорского*. Труды Отдела Древнерусской Литературы, т. XVIII, Я.С. Лурье (отв. ред.), с. 80–98. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Откровение Иоанна Богослова* (1995). В: *Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа*. Москва: Синодальная типография.
- Пушкарева, Н.Л. (1989). *Женщины древней Руси*. Москва: Мысль.
- Русская Правда (пространная редакция)* (2014). В: *Хрестоматия по истории отечественного государства и права*. Ч. I. Сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета.
- Сириh, И. (2006). *Слова подвижнические*. Москва. http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_7478/. 30.05.2017.
- Смирнов, Т. (1913). *Древнерусский духовник: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины*. Москва: Синодальная типография.
- Черепнин, Л.В. (отв. ред.) (1956). *Памятники русского права*, вып. IV: *Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв.* Москва: Государственное издательство юридической литературы.
- Boros, L. (1977). *Mysterium mortis. Człowiek w obliczu ostatecznej decyzji*. Przeł. B. Białecki. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX.
- Gądecki, S. (2004). *W imię Ojca i Syna i Ducha Świętego*. „Przewodnik Katolicki”, nr 4, s. 15.
- Trauner, I. (1690). *Geistliche Seelen-Jagd, Das ist: Anderes Dominicale Oder Sonntägliche, und mit neuen Exordiis auff die Kirchweyhungen gerichtete Predigen: Mit unterschiedlichen, außßerlesnen, und mehreren Theils auß Welschen Authoribus gezogenen raren Concepten, annehmlichen neuen Historien und Gleichnussen, sittlichen...* Willingen: Verlag und Truckerey Johann Gaspar Bencards.
- Uspienski, B. (1998). *Historia i semiotyka*. Przeł. B. Żyłko. Gdańsk: słowo/obraz te-rytoria.